

ОККУПАЦИОННЫЙ АРХИВ НОВГОРОДА 1611—1617 гг.

В Выборге 20 февраля 1609 г. был заключен договор между шведами и русскими. По этому договору шведские войска должны были поддержать царя Василия Шуйского в его борьбе как с внутренними, так и с внешними врагами, и прежде всего поляками. Сразу после этого, в марте 1609 г. шведские войска под командованием 26-летнего генерал-лейтенанта, а впоследствии фельдмаршала графа Якоба Делагарди выступили в Россию. Это вмешательство со стороны Швеции в российские события в период Смутного времени было началом того, что знаменитый шведский историк Карл Гримберг назвал «увлекательным приключением». Шведская кампания 1609 г. в России вплоть до заключения мирного договора в Столбове в 1617 г. была действительно переполнена драматическими событиями, даже если выражение «увлекательное приключение» здесь не совсем подходит. Результаты войны для шведской стороны были не совсем такими, как ожидал шведский король Густав Адольф, да и земли, присоединенные в то время, давно уже потеряны Швецией. Но эта кампания дала нам уникальное наследие, которое для современных славистов действительно может стать «увлекательным приключением». Это оккупационный архив Новгорода 1611—1617 гг.

Шведские войска вошли в Новгород 16 июля 1611 г. и оккупировали город до окончания войны. По мирному договору, подписанному 27 февраля 1617 г. в Столбове, шведы должны были возвратить Новгород русским. В начале марта 1617 г. шведский корпус под командованием Делагарди оставил город и увез с собой административный архив. Причин вывоза архива мы не знаем. В архиве содержалось огромное количество документов и бумаг, которые накопились в разных дворцовых приказах во время шведской оккупации. Документы последовали вместе со шведскими войсками сначала в Прибалтику, где Делагарди исполнял обязанности генерал-губернатора в течение нескольких лет, а позднее были привезены в Швецию. Как оккупационный архив оказался в Государственном архиве, где он сейчас находится на хранении, окончательно установить не удалось.

Честь обнаружения архива, привезенного Делагарди, принадлежит профессору русского языка и литературы Гельсингфорсского университета Сергею Васильевичу Соловьеву, который несколько раз приезжал в Швецию в период с 1837 по 1840 г. Он назвал Новгородский архив «красными сундуками в тайных сводах Государственного архива». В 1880-х гг. собрание документов архива вновь привлекает к себе внимание русских ученых. К. Якубов просматривает часть документов и составляет на них каталог. Оставшаяся же часть материала была каталогизирована в начале 1900-х гг. шведом С. Классоном и русским ученым Полиевктовым. Однако следует заметить, что каталог, составленный Классоном, был очень общим и поверхностным. В 1964 г. проф. Бирнбаум обстоятельно представил Новгородский архив в своей статье «Novgorodiana Stockholmiensia» в журнале «Skando-Slavika».

Архив состоит из двух частей, которые отличаются по происхождению и характеру, но все рукописи в них написаны скорописью.

Первая серия (Serie 1) имеет 141 номер и содержит документы, которые составлялись в различных приказах Новгорода периода оккупации. Каждый номер представляет собой несколько приказных тетрадей, связанных вместе и таким образом напоминающих нечто вроде книги, что в кожаном переплете. Объем такой «книги» первой серии составляет от 50 и до 600 листов.

Среди материалов первой серии представлены приходо-расходные книги разных учреждений, например Денежного двора, бань (банные книги), кабаков (кабацкие книги).

В дворцовых приказах сохранилась и часть документов более раннего периода, о чем говорит, например, такое название «Приходо-расходные книги царского винного погреба города Новгорода за 7119» (1610—1611). Там есть и книги новгородского судного двора (судебные книги). В различного рода пошлинных книгах даются отчеты о доходах. В дворовых и лавочных книгах зарегистрированы купчие записи и пошлины, взимаемые при продаже дворов и магазинов. В каменных книгах — пошлины за исполнение кабалы. Таможенные книги содержат сведения о таможенных доходах. В мельничных ужинных и умолотных книгах представлены отчеты о количестве полученного хлеба. Кроме того, имеются продовольственные книги из крепостей, построенных шведами с целью обороны. Из других книг можно назвать даточные, кормовые, кормчие и жалобные книги.

Вторая серия (Serie 2) содержит документы и акты на отдельных листах (столбцах), которые хранятся в свитках, в картонных коробках. Трудно оценить объем этой серии, но речь идет о 368 номерах различного объема. Один номер может состоять из одного единственного листа, но большей частью это несколько листов, склеенных в ленту. Длина такой ленты варьируется. Вообще такой свиток может быть довольно длинным.

Во вторую серию входят: купчие записи, служилые кабалы, отпускные, судебные дела, судные грамоты, расспросные речи; ведомости об оплате; челобитные и другие; ведомости по закупке водки в деревнях, расположенных вокруг Новгорода; дела разного рода, памяти, обыскные грамоты, поручные записи, росписи, мировые грамоты. Весь объем первой и второй серии составляет около 30 000 листов.

Следует заметить, что оккупационный архив снят на микроплёнку и копии ее хранятся в Российской государственной библиотеке. Но по мнению главного архивариуса Государственного архива Туркиайнена, материал микроплёнки (ацетат) не пригоден для длительного хранения и поэтому фильмы необходимо переснять на плёнку из более стойкого материала.

Мы знаем, что с древних пор существовала оживленная связь между Скандинавией и Русским государством. Еще во времена викингов торговля на Балтийском море была жизненно необходима для народов, живущих вокруг него. Но всегда возникал и повод к распрям и противоречиям. Об этом свидетельствуют многочисленные войны прошлых столетий. Для многих шведов Россия была «наследственным врагом», к которому относились с уважением и определенным страхом. Интерес к русскому языку и русской культуре, естественно, изменялся в зависимости от времени. Но уже на протяжении многих лет в шведских университетах ведется исследовательская работа и преподавание русского языка.

Наличие материала для научно-исследовательских работ имеет большое значение. У нас в Швеции есть огромное количество старинных русских рукописей. Многие из них были привезены в Швецию в качестве военных трофеев из России, Прибалтийских государств и Польши. Профессор Лундского университета Ларс Стенсланд изучал происхождение наших церковно-славянских рукописей и написал по этому поводу статью. Он полагает, что большая часть их была приобретена во время походов шведской армии в северо-западную Россию, а также во время оккупации Новгорода в 1611—1617 гг. По всей вероятности, это были трофеи, полученные непосредственно из монастырей. Часть материала могла быть куплена шведами у торговцев пергаменом.

В протестантской Швеции православные литургические и религиозные писания считались еретическими. Это привело к тому, что пергаменные рукописи в большом количестве подвергались уничтожению или часто использовались для переплетов книг, так как пергамен считался достаточно прочным материалом.

Старые церковно-славянские рукописи, написанные уставом, привлекали к себе внимание многих лингвистов. В Швеции существует традиция изучения церковно-славянских текстов. В исследовательскую работу над ними входит также найти отдельные пергаменные листы, которые чаще всего служат переплетами приходо-расходных книг и находятся как в государственных, так и в частных архивах. В переплетах из пергаменных листов с литургическими текстами можно найти приходо-расходные бумаги из Ингерманландии, Финляндии, а также Швеции. Часть текстов с пергаменных листов издана. В Стокгольмском университете идет работа над оставшимся материалом. Целью этой работы является публикация всех текстов с пергаменных листов, имеющих в Швеции.

Однако материал из новгородских приказов другого сорта. Документы написаны не на пергамене, а на бумаге. Сами тексты написаны не уставом, а скорописью. Содержание их не религиозного характера, а светского, и язык их не церковно-славянский, а русский деловой язык. Книги и документы не могли использоваться так, как пергамен, поэтому архив долгое время находился в покое. С другой стороны, архив не вызывал и такого интереса у лингвистов, как пергаменный материал. Было сделано несколько попыток более глубокого изучения новгородского архива, но, к сожалению, все они не были доведены до конца.

Профессор Стокгольмского университета Андерс Шёберг, скончавшийся недавно, начал работать над Новгородским архивом в 1970-е гг. Он дал информацию о жизни Новгорода в период шведской оккупации. В одной из своих статей он описал работу общественной бани, взяв за основу данные приходо-расходных книг. Другую статью он посвятил трем книгам судного двора. Проф. Шёберг написал несколько статей об Иване Тимофееве, авторе знаменитого «Временника», и его деятельности в Новгороде в это время.

Андерс Шёберг поощрял также своих докторантов к исследовательской работе над оккупационным архивом. В 1982 г. Хагар Сундберг опубликовала две кабальные книги со служилыми кабалами из первой серии объемом в 200 страниц. Это были первые опубликованные тексты Новгородского архива. Они были изданы согласно современным принципам лингвистики, с комментариями к текстам. Х. Сундберг ра-

ботала с собранием контрактов по продаже лошадей и написала об этом статью.

Я работала с рядом купчих записей по недвижимости, которые я опубликовала в 1987 г. В публикацию входит ряд зарегистрированных купчих записей по недвижимости, взятых из трех разных купчих книг из первой серии, а также 23 записи в подлиннике из второй серии. Покупка недвижимости вступала в законную силу, когда купчая запись делалась в купчих книгах дворцовых приказов. За запись взималась пошлина. В комментариях к текстам я сосредоточила свое внимание на форме составления купчей с ее юридической терминологией, а также терминологией, связанной с постройками и другими объектами. Всего мною опубликовано 300 страниц из Новгородского архива.

Во время работы над архивом у меня была возможность сопоставить тексты обеих серий. Как я уже говорила раньше, книги первой серии были написаны в дворцовых приказах Новгорода. Там работали писцы, имеющие специальное образование. Они писали четким, иногда красивым писарским почерком.

Документы второй серии, напротив, написаны по-разному, иногда менее профессионально. Большинство моих купчих-подлинников написано подьячими, т. е. простыми канцеляристами. Они помогали составлять купчую лицам, вероятно неграмотным, за соответствующую плату. Разница в уровне образования между обеими группами писцов отразилась на орфографии и стилистике. На основании небольшого материала, с которым я работала, нельзя сделать каких-то более глубоких выводов, но мне удалось установить существенные различия в формулировках и орфографии. Подьячие, например, часто путали гласные *e-ъ-и*, а также делали ошибки при употреблении старых гласных форм. К сожалению, мне ни разу не попала одна и та же купчая в подлиннике и в купчей книге. А было бы интересно непосредственно сравнить текст, написанный подьячим с текстом в купчей книге.

Говоря о купчих, я не случайно употребила слово «попалась». Дело в том, что из-за отсутствия полного каталога Новгородского архива часто приходится искать вслепую, в особенности это касается второй серии. Но все же я думаю, что мне удалось собрать все купчие записи под недвижимости, которые есть в архиве. Один из служащих Государственного архива Ингвар Кальнинс уже несколько лет работает над архивом и делает короткие резюме по содержанию документов. Случайно он обнаружил среди совершенно других документов несколько купчих в подлиннике.

Интересна работа Берглунд и Захарова о новгородском Денежном дворе. Она вышла из печати в 1983 г. в США (опубликована Русским нумизматическим обществом, Alexandria VA). Основательно изучив материал архива, они дают полный анализ работы Денежного двора в период 1611—1617 гг. Дополнительным материалом служат наглядные таблицы, показывающие работу двора в период, полный больших перемен.

Следует отметить, что Новгородский архив в Швеции интересует главным образом лингвистов. Исходным пунктом исследования архива была лингвистика, и тексты, опубликованные до настоящего времени, обработаны согласно лингвистическим нормам. Но эти тексты могут представлять большой интерес для историков и археологов, которые

занимаются историей Новгорода. Шведские историки до сих пор почти не обращали внимания на материалы архива. Русские же историки заинтересовались нашими публикациями и откликнулись на них. В журнале «История СССР», № 1 за 1989 г. появилась рецензия на мою книгу «Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609—1616».

Для археологов опубликованные купчие записи также имеют большое значение, потому что содержат описания дворов в различных районах Новгорода. В такой двор входили следующие постройки: изба, горница, сени; подсобные помещения, такие как клеть, погреб, ледник, житенка, житница, а также другие постройки, назначение которых неизвестно (башня, повалуша). Здесь же можно встретить и предметы домашнего обихода — бук, жорны, замок, кирпич, котел, лучины, мох, и то, что росло в саду и огороде, — рябина, капуста. Данные документов помогают нам предположить, как выглядел город, отдельные его районы и как располагались улицы в то время.

Нельзя сказать, что документы архива, над которыми велась работа, привели к каким-то лингвистическим открытиям. Деловой язык начала XVII в. уже известен и изучен, и тексты архива надо рассматривать как дополнительный материал к текстам других изданий того же периода. И все же материал архива может быть использован для изучения специфики документов такого типа.

Словарный запас Новгородского архива тоже представляет большую ценность. Это подтверждают и лингвисты, работающие над картотеккой словаря древнерусского языка в Москве. Они включили в свой словарь новые для них слова, найденные ими в работе Хагар Сундберг. Как в таможенных, так и в кабацких книгах мы наткнулись на совершенно неизвестные нам слова и трудно толкуемые выражения.

Среди обширного материала Новгородского архива привлекают к себе внимание имена собственные. В документах можно встретить большое количество исторических лиц и тысячи неизвестных людей. Иногда последние характеризуются именем, отчеством, фамилией, профессией и местом жительства, но чаще все же стоит только имя или прозвище. Некоторые лингвисты, как Х. Бирнбаум и А. Шёберг, предлагали сделать каталог имен собственных и приступить к исследованию прозвищ.

В своей статье «Государственный архив — золотой рудник славистов» проф. Андерс Шёберг писал: «Лишь немногие страны за пределами славянского мира имеют такие богатые источники славянского материала, как Швеция. ... Но до сих пор исследована только небольшая часть этого материала. ... Я надеюсь, что в будущем шведские лингвисты воспользуются уникальной возможностью, которую им предлагают собственные источники русского материала». Однако шведские слависты, конечно, не исключают возможности работы лингвистов других стран в Государственном архиве Швеции, и в том числе с оккупационным архивом Новгорода.